

ИСКУШЕНИЕ

***Вадим
Кучеренко***

12+

Вадим Иванович Кучеренко

Искушение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42236891

SelfPub; 2022

Аннотация

Что можно отдать, чтобы получить то, о чем мечтаешь? Марк, немой с рождения юноша, хотел избавиться от своей немоты. Он получил то, что казалось ему дороже всего на свете. И даже не заметил, что потерял намного более ценное...

Вадим Кучеренко

Искушение

Марк родился немым, и он был обречен пожизненно. Таков был приговор врачей. Со временем отец и мать примирились с этим и привыкли к его молчанию. Научились понимать безмолвный язык его жестов и мимики. А сам мальчик относился к своей немоте равнодушно, не зная иного способа общения и не считая тот, которым пользовался он, ущербным. И даже если иногда он все же испытывал некоторое неудобство при соприкосновении с другими людьми, то его с лихвой возмещали грезы, которые рождала его фантазия все остальное время. Надо признать, что мир иллюзий был для него реальнее окружающего его мира. Такое часто бывает с глухими, слепыми и немymi людьми, особенно если им не приходится думать о хлебе насущном.

Но шли годы. Марк рос, во всем остальном ничем не отличаясь от своих сверстников. И пришел тот неизбежный час, когда душа его, как раскрывающий навстречу солнцу свой бутон цветок, узнала любовь.

Девушка, которую он встретил на бульваре Юности, была прекрасна. Во всем белоснежном, подобная ангелу, она стояла в очереди за розами. Может ли быть более одинока женщина, сама себе покупающая цветы?

Марк знал, почему она одинока. Девушка жила в ожидании встречи с ним. И мир, узнай он об этом, не осудил бы его за столь дерзкую мысль.

Юноша и сам стоял в той же очереди, на несколько человек впереди. Он собирался купить букет и подарить его родителям на годовщину их свадьбы. Но когда подошел его черед, у продавца осталось всего семь роз. Выбор не затруднил Марка. Он купил последние цветы и при всех, преодолев смущение, подарил их девушке в белом платье.

Люди, несколько не рассерженные тем, что им не досталось цветов, разошлись, улыбаясь каждый своим мыслям и воспоминаниям. И девушка тоже улыбалась: пылающим ли в ее руке розам, юноше ли, замершему перед ней в немом восторженном обожании. Они молчали, но за них говорили их взгляды, каждый из которых вмещал в себя целый сонет, и жесты, предвещающие те подвиги, что неизбежно свершатся во имя любви.

Но сколько может длиться немой диалог? Даже если слова порой скрывают отсутствие любви, то еще реже молчание говорит о чувствах убедительно. Девушка ждала, пытаясь прочесть в глазах юноши признание, затем ее взгляд перешел на розы, после в нем отразилось небо над его головой... А он побледнел от своего бессилия высказать ей свои чувства. И она услышала его безмолвный стон.

– Что с вами? – воскликнула девушка с нежной тревогой. – Вам плохо?

И он ответил, успокаивая ее: «Все хорошо. Я счастлив, что встретил вас».

Но юноша совсем забыл, радуясь, что она заговорила с ним, про свою немоту. И ответил ей на своем языке, языке жестов и гримас.

Недолго длилось это, и снова лицо Марка стало красивым. Но девушка продолжала видеть ужаснувшую ее гримасу, словно на миг из-под прекрасной маски выглянул безобразный лик. Появился и исчез, снова надев маску. Прекрасную, но маску, не более. И девушка испугалась, лепестки ее расцветающего чувства вдруг поникли, как у цветка, у которого безжалостно переломили стебель, и уже ничто не в силах оживить их.

Между ними прошел один человек, другой, третий... Наступил час пик. Так крошечная горная речка, которую обычно можно перейти вброд, внезапно набухает злой темной силой в период дождей и смывает мосты, топит селения. И берега ее, еще недавно почти смыкавшиеся, вдруг расходятся на непреодолимое расстояние. Вскоре Марк не мог рассмотреть девушку за чужими торопливыми фигурами. Да ее уже и не было.

А он стоял. Час, другой... Начался дождь. На тротуар падали редкие тяжелые капли, оставляя на нем бесформенные мокрые пятна. Всеми цветами радуги вспыхнули витрины магазинов. Разноцветными глазами светофоров мигали перекрестки. Торопливые рычащие автомобили разбрызгива-

ли мутные лужи. И никому не было дела до немого юноши, одиноко бредущего по улицам многолюдного города.

А он, за неимением собеседника, которому мог бы сейчас излить свою душу, безмолвно говорил с самим собой.

Почему я не такой, как все, спрашивал он. И сам же себя опровергал: нет, я такой же, только не могу говорить. И снова противоречил: нет, могу, но меня никто не слышит. Только поэтому мы и не смогли понять друг друга...

К сожалению, в современных городах нет колоколов, способных пробудить от равнодушия эти человеческие пустыни. И крик немого юноши, потрясший его душу, не был никем услышан, и бесследно затерялся в ущельях городских улиц.

Марк долго и бесцельно бродил по городу, не чувствуя усталости. Уже начинало смеркаться. Глаза его застилали невыплаканные слезы, и он едва не врезался в незамеченную им зеркальную витрину, освещенную изнутри, однако остающуюся непрозрачной, будто сама тьма притаилась за нею. Из-за массивной, окованной железом, двери, когда она приотворялась, выпуская или впуская кого-то, раздавалась громкая музыка, доносились отголоски веселья. Этот оазис света среди мрачных провалов окрестных домов привлек внимание юноши, завладел всем его существом и почти против его воли принудил открыть дверь и войти.

Это был другой мир, прежде незнакомый Марку.

В этом мире светили десятки, если не сотни, искусственных солнц-ламп, отражающиеся во множестве зеркал, которые множили их уже до неисчислимых количеств. Играла музыка, заглушая слова, и разговаривать было не только необязательно, но даже невозможно. За столиками сидели люди, они пили, ели, смеялись так, словно это происходило в последний раз в их жизни и уже никогда не повторится. Марк в поисках свободного места за одним из столиков осторожно и неловко пробирался между ними, иногда наступая кому-то на ноги, иногда толкая кого-то, но никто не обижался и не ругал его. Неожиданно он увидел в углу зала столик, который только что освободили и еще никто не успел занять его. Как только Марк со вздохом облегчения опустился на стул, к нему тотчас подскочил худощавый, весь какой-то будто прилизанный слюнявым коровьим языком, официант и подал меню. Юноша наугад ткнул пальцем в раскрытый фолиант, и, видимо, угадал, потому что официант подобострастно изогнулся и одобрительно заулыбался и вскоре принес ему какой-то напиток в высоком бокале. Юноша, не считая, отдал ему все деньги, которые нашел в своем кармане, жестом дал понять, что пока больше ни в чем не нуждается и, отпив из бокала огненной жидкости, погрузился в созерцание ресторанный зала.

Еще раньше, едва вошел, Марк заметил, что весь этот мир был рассчитан на обман, зрительный и слуховой. Зеркала множили образы, горящие свечи в резных подсвечни-

ках рождали вместо света мрак, звуки искажались, возвращаясь эхом из темных углов зала, понять истинные размеры которого не представлялось возможным из-за царящего в нем сумрака. Если бы юношу спросили о его ощущениях, он ответил бы, что оказался в мире теней. Тени, повинаясь язычкам пламени многочисленных свечей, то отступали, то приближались, они то скрывали окружающее, то срывали покров тайны. В одно из таких мгновений Марк заметил, что за столиком он уже не один. Напротив него расположился незнакомец с немигающим взглядом кажущихся в этом освещении черными глаз. Мужчина смотрел на него, но, казалось, не видел, о чем-то задумавшись. Марком овладело смутное беспокойство. Чтобы стряхнуть с себя гнет пеленающего его разум облака непрозрачного взгляда, он отвернулся и отхлебнул из бокала. Ничего не почувствовал. И выпил еще, опустошив бокал.

Внезапно склизкий, рыхлый комок начал подниматься из его желудка, вызвав приступ тошноты. Марк откинулся на спинку стула, закрыл глаза. Мир вокруг пустился в сумасшедший хоровод. Черные глаза напротив, белая скатерть, танцующие тени – все кружилось и летело в тартарары с бешеной скоростью, но самое ужасное было то, что ему было нечем дышать. Он многое бы сейчас отдал за один только глоток свежего воздуха. Но было душно, затхло, омерзительно.

Так же неожиданно головокружение закончилось, и все

встало на свои места. Марк приоткрыл набухшие веки. И наткнулся на изучающие его лицо глаза незнакомца. Но как-то странно они смотрели на него. Без малейшего интереса, скучно, точно заранее все предвидели.

– Тебе плохо, малыш? – услышал Марк и невольно кивнул в ответ. А затем так же безотчетно, повинувшись неведомой силе, которую люди называют инстинктом, он начал рассказывать. Все, что пережил за сегодняшний день и за всю предыдущую жизнь. Глаза напротив не изменили ни на йоту своего выражения, они не поощряли его, но и не отталкивали, слушали. А только это юноше и надо было сейчас. Он говорил и говорил...

И вдруг осекся. Внезапная мысль, что он говорит на своем языке, языке немых, лишила его дара речи. Исповедаться можно только когда тебя слышат, пусть даже не понимают. Юноша почувствовал гнев и обиду. Если вдуматься, незнакомец ни в чем не был виноват перед ним, но почему он не остановил лавину его гримас и жестов, а продолжает странно смотреть на него своим непроницаемым потусторонним взглядом, не разжимая узких холодных губ? Утонченная ли это издевка, полнейшее ли равнодушие, или что иное – Марк мог только догадываться, но предполагал худшее. Самым правильным сейчас было встать и уйти. И юноша уже начал приподниматься, но его остановил властный жест. А затем он услышал голос. И он не знал, говорит ли это мужчина напротив, или кто другой, невидимый и неве-

домый ему, потому что тени вновь сгустились, скрыв лицо его собеседника, но не сумев заглушить звук, казалось, идущий ниоткуда и отовсюду одновременно.

– Малыш, ты считаешь себя несчастным. И только потому, что не можешь говорить. Как ты заблуждаешься! Тебе, по прихотливому жребию судьбы, выпала редкостная удача – слова не имеют над тобой своей злой власти, ты не можешь скрыть свои истинные мысли и желания за их завесой. Невыполнимые клятвы, обещания, которые невозможно сдержать, возносимые небу суетные молитвы, равные богоульству – тебя миновала чаша сия, а ты ропщешь? Неблагодарный!

Но это еще не все, что ты имеешь и хочешь потерять. Однажды, здесь же, я видел людей. Они были не только немые, но и глухие. Но когда начинал играть оркестр, они танцевали. Им не нужна была музыка, которую ты слышишь сейчас. Они слушали музыку, которая звучала внутри их. Тот, кто услышал бы ее, пожалел бы только об одном – что его собственная душа не способна рождать ничего подобного. Но эту музыку не слышит никто, кроме них. А они прекращали танцевать, когда видели, что останавливаются другие, и тем сохраняли свою тайну от мира непосвященных. Их мир – их великая тайна, ей страшен взор чужого.

Я знаю об этом, потому что сам некогда принадлежал этому миру. Но однажды изменил ему, и моя душа уже не может рождать музыки...

Голос смолк, и тишину заполнили звон бокалов, стук вилок и ножей, шум и гам ресторанного зала.

– Но зачем ты мне это все говоришь? – спросил юноша.

– Потому что я могу тебе помочь, – услышал он.

– А что..., – голос юноши осекся, но он все-таки справился с волнением и договорил: – А что взамен?

Неожиданно незнакомец рассмеялся. Он придвинул подсвечник к себе, и тени, скрывавшие его, испуганно расползлись по стенам и потолку. Впервые Марк смог рассмотреть своего собеседника. Перед ним, вальяжно развалясь на стуле, сидел мужчина средних лет, чуть полноватый, в дорогом костюме, ничем не примечательный, если не считать того, что безымянный палец его левой руки украшал массивный золотой перстень с какой-то сложной монограммой. Во всем остальном в нем не было ничего демонического. Он был бы даже по-мужски привлекателен, если бы не его улыбка – искусственная и холодная, и глаза – непроницаемые и застывшие. Губы мужчины до странности противоречили его глазам и делали лицо неприятно-отталкивающим.

– Ты ждешь, что я потребую твою душу? – улыбаясь, спросил мужчина на языке немых. – Нет, малыш, я не тот, за кого ты меня принимаешь. Ты льстишь мне.

– А кто же вы? – осмелился спросить Марк.

– Простой врач, – ответил мужчина. – Впрочем, не простой. Я могу то, что не под силу другим. Ты слышал: врач, исцели себя сам? Я исполнил завет Авиценны. Может быть,

единственный из его учеников. Как и ты, я был нем, и даже глух. Потому и понимаю тебя и могу с тобой разговаривать. Но я излечил себя. К сожалению, мой метод... Он не укладывается в прокрустово ложе официальной медицины. И потому его не хотят признавать. Немного внушения, немного скальпеля... Что в этом дьявольского, скажи?

– Так просто? – не поверил юноша.

– Есть еще один компонент. Это моя гениальность. Так тебя больше устраивает, малонер?

– Я не сказал, что не верю вам.

– За тебя говорят твои глаза, – подмигнул мужчина. – Так да или нет? Хочешь ли ты обрести желанную безделку в обмен на самое драгоценное, что может быть у человека? Решай. Здесь и сейчас. Иначе я уйду, и мы никогда уже не увидимся. Другого шанса у тебя не будет.

– Я... – сглотнул слюну Марк. – Я не могу вам заплатить. Ведь такая операция, наверное, стоит очень дорого?

– А кто говорил о деньгах? – усмехнулся мужчина. – Ты заплатишь мне послушанием. Тем, что безропотно испытаешь на себе мой метод. А в случае неудачи не предъявишь мне счет. И мы будем квиты. Поверь, официально не признанному врачу не так просто найти пациентов.

– В случае неудачи, вы сказали?

– А что ты теряешь, малыш?

Тени начали возвращаться. Свеча на столе таяла, превращаясь в огарок. Тьма вокруг них сгущалась, снова скрывая

лицо незнакомца. И только в зрачках его мигали два крохотных, поистине дьявольских огонька.

– Мне, – сказал юноша, отводя свой взгляд, – надо подумать.

– Хорошо, – не стал настаивать мужчина. Но в голосе его просквозило разочарование. – Надумаешь, позвони.

Он небрежным жестом достал из внутреннего кармана пиджака объемное кожаное портмоне, с той же с золотой монограммой, что и на перстне, вынул из него и протянул через стол свою визитную карточку с золотыми буквами на черном фоне. Марк взял ее, невольно коснувшись руки мужчины. Рука была влажной, липкой и холодной, словно кожа лягушки. Юноша почувствовал отвращение, как будто коснулся гада. Тошнота снова подступила к горлу. Он встал, опрокинув стул и не заметив этого, и, забыв проститься, преодолевая обволакивающий его сознание туман, пошел по направлению к выходу, где подобно маяку то вспыхивало, то гасло пятно света, когда открывалась или закрывалась дверь. Он почти бежал, спотыкаясь о чьи-то ноги, натыкаясь на столы, падая и поднимаясь, бил руками в обступившую его темноту, у которой выросли щупальца, пытавшиеся задержать его. Оркестр замолчал, и только барабан продолжал монотонно бухать. Или это сердце билось в его груди? В последнем усилии Марк дотянулся до начищенной до блеска медной ручки, нажал на нее, налег всем телом на дверь и проскочил в открывшуюся узкую спасительную щель на улицу. Дверь со

вздохом сожаления тяжело ухнула за его спиной.

И сразу стало тихо и свежо. Прохладный ночной ветер и редкие капли обессилевшего дождя остудили его пылающее лицо. Свет фар проехавшего автомобиля выхватил из темноты мокрые дома. Дрожь пробежала по телу юноши. Он зябко поежился. И вдруг его заколотило в сильнейшем ознобе. Марк вышел на дорогу, остановил такси, едва сумев поднять трясущуюся руку. Вскоре он был дома. Тихо открыл дверной замок, незаметно проскользнул в свою комнату, упал, не раздеваясь, в кровать и закрыл глаза. Но заснуть не смог. Перевозбужденный мозг прокручивал картины минувшего дня, словно киноленту, и Марк снова и снова переживал все те же события.

Ночь умирала долго.

А наутро вошло солнце. И когда его лучи озарили и согрели мир, немой юноша рассмеялся над собственными ночными страхами. Он даже едва не позвонил по телефону, указанному в визитной карточке, которую ему дал на прощание его собеседник в ресторане. Но поборол искушение, и даже испытал облегчение от этого, сам не зная почему.

А затем опять пришла ночь. И юноша снова плакал и не заснул до утра.

И вновь были день и ночь, и вновь... Юноша уже не мог ни плакать, ни смеяться, ни спать, ни жить. Он мог только думать.

И пришел день, когда Марк решился. Разговор по телефону оказался намного проще, чем он представлял себе. Его звонка ждали, и юношу узнали по напряженной тишине в трубке. И ему совсем не пришлось говорить. А только слушать и исполнять сказанное...

Она не могла ошибиться! Это был он, тот самый юноша, что однажды подарил ей букет алых роз и так и не решился заговорить с ней. Тогда она тоже промолчала, а после долго себя корила и часто, очень часто приходила вновь сюда, на этот памятный бульвар, где все произошло, всматривалась в лица спешащих мимо людей. Она заметила бы его в любой толпе, ей подсказало бы сердце. Но люди шли мимо, опустив глаза, и ни разу ничто не дрогнуло в ее груди. До этой минуты. А значит, это действительно он, сердце не могло ее обмануть!

Юноша стоял вполоборота к ней на краю тротуара, пытаюсь остановить один из проезжающих по дороге автомобилей. И она, опасаясь, что он уедет и снова скроется от нее, окликнула его, радостно и взволнованно:

– Это вы!

Человек медленно обернулся. Его скучающие глаза обшарили ее всю, от головы до туфелек – девушка ощутила его взгляд почти физически, будто скользкое щупальце прикоснулось к ней, и вздрогнула от отвращения, – поднялись снова и неподвижно замерли на уровне ее груди. Немой вопрос в

глазах, и, через паузу, тихий, без интонации, голос произнес:

– Что такое?

Этот голос и эти глаза... Они были не его, чужие, подумала девушка. Или она уже позабыла?

– Кто это? – томно спросила женщина, стоявшая рядом с ним, не беспокоясь, что девушка ее услышит. Предзакатные лучи солнца, упав на ее густо покрытое пудрой лицо, превратили его в мертвенно-бледную маску, лишив красок, присущих жизни.

Теперь девушка поняла, что ошиблась. Рядом с тем юношей не могло быть такой женщины. Она смутилась, пробормотала какие-то извинения и, стремительно развернувшись, скрылась в людской толчее. Один миг – и будто никого и не было, и все лишь привиделось...

– Кто это был? – утомленно повторила женщина без всякого интереса.

Марк недоумевающе хмыкнул. Что-то, похожее на окрик из прошлого, ворохнулось в нем, какое-то светлое, теплое, радостное чувство... Но попытка вспомнить быстро утомила его, и он равнодушно ответил:

– Не знаю.

И забыл о ней.